

vuur geworpen, langs barokke krullen krimpt de kern zijner asse toewaarts.

Aan deze man zaagt gij hoe de huls verviel en hoe zijn stevigheid niet anders is dan de pop die de rups van zijn weldra oude gedaante verbergt.

Gij weet nu dat gij nog zijt in de tijd van de ondoorgebroken huls. Maar gij weet niet of gij vergeet het dat de rups lang reeds binnen het weefsel woont.

Af en toe beweegt zij.

И. М. Михайлова

ГЛАВА 2

ХЕНДРИК МАРСМАН HENDRIK MARSMAN

(1899–1940)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. На какой игре слов построены два стихотворения? Знаете ли вы фразеологизм “slapen als een goos”? Посмотрите в большом словаре Ван Дале или в WNT значения глагола *naaien*.
2. Помните ли вы, кем был Флорис Йесперс? Что вам известно о Гансе Саксе и мейстерзингерах? Кто такой блаженный Августин и почему его упоминает Паул ван Остайен? Знакомо ли вам имя Женестьева Брабантская? Кто такая Орлеанская Дева?
3. Чем отличается орфография, используемая Паулом ван Остайеном, от привычной вам?
4. *Circulez!* (*франц.*) — «Проходите! Не задерживайтесь!» Улавливаете ли вы какую-нибудь связь между этой репликой и идеей швейной машины?
5. Какие немецкие слова и выражения вы встретили в стихотворении? Что они значат? Зачем их использует автор?
6. Какие образы рождаются в «гротеске» «Линии» в связи с мыслью о старении человека?
7. Паула ван Остайена как автора «Гротесков» часто сопоставляют с Кафкой и Хармсом. Готовы ли вы согласиться с таким сопоставлением?

Хендрик Марсман

Большинству голландцев Хендрик Марсман известен как автор стихотворения «Воспоминание о Голландии» (“Herinnering aan Holland”), которое по итогам голосования в канун Миллениума было признано «важнейшим нидерландским стихотворением XX века»

(“hèt Nederlandse gedicht van de eeuw”). Первые его строки знают наизусть даже такие голландцы, которые далеки от поэзии. Те же, кто любит и знает литературу, ценят Марсмана как крупнейшего поэта-экспрессиониста Нидерландов, чьи стихи выделяются яркостью и пронзительностью образов и редкой музыкальностью

звучания. Славе поэта способствует также его ореол провидца и мученика: во многих его стихах слышен его страх перед водой как зловещей силой, несущей человеку смерть. Сам он погиб в проливе Ла-Манш, когда в паром, на котором он плыл вместе с женой из оккупированной Франции в Англию, попала немецкая торпеда. Его жена, случайно находившаяся на камбузе, осталась жива.

Хендрик Марсман родился в г. Зейсте, недалеко от Утрехта, его отец был владельцем самого большого в городе книжного

магазина, мать до замужества работала учительницей. Поэт в детстве отличался слабым здоровьем (у него были слабые легкие и нетяжелая форма эпилепсии). И хотя это не помешало ему стать в старших классах школы *hbs*¹ прекрасным футбольным вратарем, по медицинским показаниям он не смог (в отличие от двоих младших братьев) получить штурманское образование и служить морским офицером, о чем всегда мечтал. Он учился на юриста в Лейденском, затем Утрехтском университете и с 1929 по 1933 г. работал адвокатом в Утрехте. Параллельно учебе и работе Марсман, отличавшийся беспокойным характером, много путешествовал, писал стихи и сотрудничал в журналах: в 1925 и 1931 гг. — в экспрессионистском “*De Vrije Bladen*” (*досл.* «Свободные листы»), где публиковал литературные манифесты, призывавшие молодых литераторов объединяться в борьбе против бездушной, бесцветной, недостойной человека жизни, а с 1932-го — в знаменитом «Форуме» (см. главу о Менно тер Брааке). С 1933 г. Марсман смог жить литературными заработками, в частности, как рецензент NRC.

На становление Марсмана как поэта большое влияние оказал экспрессионизм. Он со школьных лет увлекся стихами нидерландского экспрессиониста Хермана ван ден Берга (*Herman van den Berg*, 1897–1967) и поэта-художника Тео ван Дусбурга (1883–1931), основавшего вместе с Питом Мондрианом знаменитую художественную группу «Стиль» (“*De Stijl*”). Он рано познакомился также со стихами Паула ван Остайена (см. предыдущую главу). В стихах этих поэтов Марсмана завораживало космическое мироощущение, сознание собственной принадлежности к вечной и бесконечной вселенной. Летом 1921 г. он совершает поездку в Германию, проводит несколько счастливых недель на острове Хиддензее, где живет на маяке, часами гуляет по побережью и читает стихи немецких экспрессионистов. Самое большое впечатление на него произвели Георг Гейм (1887–1912)² и Георг Тракл

¹ Тип средних школ, дающих основательное и разностороннее образование.

² Примечательно, что Гейма, как и Марсмана, называют «поэтом, сказавшим собственную смерть». В январе 1912 г. Гейм, катаясь со своим другом по льду реки Хафель, провалился под лед и утонул. Менее чем за два года до этого Гейм записал в дневнике свой сон, который во многом совпадал с обстоятельствами его смерти.

(1887–1914), из чьих стихов Марсман охотно черпал эпитафии для собственных. После Хиддензее Марсман едет в Берлин — столицу экспрессионизма. Здесь он знакомится с творчеством Кандинского, Пауля Клее, поразившего его Франца Марка и других художников и литераторов, группировавшихся вокруг журнала “*Der Sturm*” (*нем.* «Буря»).

От экспрессионистов Марсман воспринял ясность и строгость стиха, отрывистость звучания, презрение к сентиментальности. Он почувствовал, что верлибры лучше передают ритм современной жизни, чем традиционные рифмованные строфы. Первый собственный сборник Марсмана «Стихи» (“*Versen*”, 1923), изданный благодаря стараниям его школьного друга и будущего биографа Артура Ленинга (*Arthur Lehning*), стал совершенно новым словом в нидерландской поэзии. Из-за красной обложки он сразу стал известен как «красная книжка». Первое из тридцати стихотворений называлось “*Vlam*” («Пламя»):

SCHUIMENDE MORGEN

en mijn vuren lach
drinkt uit ontzaggelijke schalen
van lucht en aarde
den opalen dag.

ПЕНЯЩЕЕСЯ УТРО

и мой огненный смех
пьет из грандиозных чаш
неба и земли
опаловый день.

Короткие строки звучат стаккато, синтаксические связи между словами ослаблены, «я» поэта не просто взаимодействует с космосом, но само разрастается до космических размеров. В других стихах изображено подобное слияние между «я» поэта и городом как одним большим организмом. В целом в стихах 1923 г. отчетливо слышен голос Марсмана-виталиста.

Если в России термином «витализм» обозначается философское учение о качественном отличии живой природы от неживой, утверждающее наличие в организмах нематериальной «жизненной силы» (*лат.* *vis vitalis*), то в Нидерландах слово «витализм» ассоциируется в первую очередь с литературой. Витализм как литературное течение возник в первой четверти XX в. под воздействием экспрессионизма и футуризма и был реакцией на неоромантизм. Витализм подразумевает взлет над повседневностью, пламенную страстность, стремление к яркой, интенсивной жизни, выражаемое средствами авангардной поэтики. Русский читатель не может не заметить родства между стихами раннего Марсмана и раннего

Маяковского («я показал на блюде студня // косые скулы океана»). Кроме того, термин «витализм» часто употребляется в связи с философией Ницше, уделявшего много внимания понятию жизненной силы как воли к преодолению препятствий, к эволюции в направлении к высшей форме земной жизни. Марсман всерьез увлекался философией Ницше и перевел его трактат «Так говорил Заратустра» на нидерландский язык.

Начав писать стихи под знаком витализма, Марсман прошел несколько этапов развития. Когда в 1938 г. поэт готовил к изданию собрание своих сочинений, он разделил свое творчество на три периода. К первому, кроме «красной книжки», он отнес также сборники «Пентесилея» (“Penthesileia”, 1925) и “Paradise regained” (англ. «Обретенный рай», 1927). В первом из них, названном по имени царицы амазонок, убитой во время Троянской войны Ахиллом, появляется новый мотив одиночества и более отчетливо звучит любовная тема. Во втором Марсман, среди прочих, рисует образы из средневековой рыцарской жизни, когда человечество было еще молодо, красиво и благородно и с мечом в руке сражалось за идеалы. Стихотворение, по которому назван сборник, по образам близко стихам из «красной книжки»:

‘PARADISE REGAINED’

De zon en de zee springen bliksemend open: waaiers van vuur en zij; langs blauwe bergen van den morgen scheert de wind als een antilope voorbij. <...>	Солнце и море раскрываются, сверкая молниями: веера из огня и шелка; вдоль синих гор утра мчится ветер как антилопа прочь.
---	---

Но ближе к концу сборника в центре внимания оказывается проблематика смерти; именно в этом сборнике было напечатано стихотворение, которое после гибели поэта оказалось пророческим:

DE OVERTOCHT

De eenzame zwarte boot vaart in het holst van den nacht door een duisternis, woest en groot, den dood, den dood tegemoet.	Одинокий черный корабль плывет в глубине ночи, через тьму, дикую и огромную, смерти, смерти навстречу.
ik lig diep in het kreunende ruim, koud en bangst en alleen	я лежу в скрипящем трюме, холодный, объятый страхом и одинокий

en ik ween om het heldere land, dat achter den einder verdween en ik ween om het duistere land, dat flauw aan den einder verscheen. <...>	и я плачу о светлой земле, скрывшейся за горизонтом, и я плачу о темной земле, едва показавшейся на горизонте. <...>
---	--

По приведенным примерам видно, что на протяжении первого периода поэтика Марсмана постепенно становится менее авангардной, исчезает отрывистость, более спокойным становится синтаксис.

Ко второму периоду (1928–1936) поэт отнес свои сборники «Белые женщины» (“Witte vrouwen”, 1930) и “Porta nigra” («Черные ворота», 1934), в которых максимально развивается тема страха перед смертью, переплетающаяся с духовными поисками (выросший в кальвинистской среде поэт склоняется к католицизму, а то к религиозному скепсису). В значительной мере это связано с депрессией, охватившей его после смерти друга, писателя-католика Герарда Брюнинга. В 1933 г. Марсман публикует эссе «Смерть витализма» (“De dood van het vitalisme”), в котором говорит о том, что витализму пришел конец, что витальности не осталось ни в нем самом, ни в окружающих. Второй период Марсман сам называл «периодом исканий», литературоведы используют также термин «мортализм». Слова “Porta nigra”, название знаменитых древнеримских ворот в городе Трире, переосмысливается в сборнике как «черные ворота смерти». Характерным примером может служить стихотворение «Тонущий корабль» (“Zinkend schip”):

De avond daalt; een zinkend schip. de kiel slaat op een blinde klip.	Опускается вечер; тонущий корабль. киль ударяется о подводную скалу.
---	---

— o, hartstocht van dit stil vergaan, in koele nacht, in koele maan.	— о, страстность этой тихой гибели, в прохладную ночь, под прохладной луной.
---	---

’en gij, die eens dit leven prees met sterke stem en harde keel,	«а ты, который когда-то восхвалял эту жизнь сильным голосом во все горло,
---	--

is dan het glanzen van uw woord bestorven en voorgoed teloor?’	неужели сверкание твоего слова умерло и навсегда пропало?»
— ik heb geleerd dat in den dood de ziel zal stijgen levensgroot	— меня учили, что в смерти душа взмоет вверх большая, как при жиз- ни,
of dalen in het schimmenrijk en falen onherroepelijk...	или опустится в царство теней и канет безвозвратно...

На протяжении этого «черного» периода в жизни Марсмана происходит много значительных событий, скорее радостных, чем грустных. В 1929 г. он женится на Рине Барендрехт, учительнице из Роттердама, которая стала его верной спутницей жизни. С 1932 по 1935 г. он работает в журнале «Форум» и сближается с Менно тер Брааком и Э. дю Перроном, ярчайшими фигурами в литературной жизни того времени, определявшими культурный климат в стране. В знаменитой дискуссии, ведшейся на страницах журнала, о том, что важнее в литературе — чисто литературные достоинства произведения, способные доставить читателю эстетическое переживание, или яркая личность автора (*voigt of vent*, т. е. «форма или личность»), Марсман придерживался, как и следовало ожидать, второй точки зрения. В 1933 г. выходит его роман «Смерть Анджелы Дегру» (подробнее — ниже), тогда же он вместе с женой путешествует по Франции и Италии. Там он почувствовал себя намного лучше, чем в Голландии: в лучах яркого средиземноморского солнца он нашел ту витальность, ту яркость жизни, которой ему не хватало на родине.

В 1936 г. поэт принял окончательное решение навсегда покинуть тесный и душный Утрехт, где жил до сих пор, и вообще Нидерланды. Вероятно, ощущение духоты усугублялось разразившимся в это время мировым экономическим кризисом, приведшим в итоге к распространению фашизма. Марсман с женой живут за границей, в основном во Франции. С этого времени начинается третий этап его творчества (1936–1937). Он пишет целый ряд стихотворений,

в которых осмысливает свой отъезд из родной страны: «Прощание с деревней» (“Afscheid van het dorp”), «Пейзаж» (“Landschap”), «Страна польдеров» (“Polderland”) и знаменитое «Воспоминание о Голландии» (“Denkend aan Holland”). В одном из эссе, написанных в годы скитаний по Европе, Марсман отмечал: «Голландия — это просто горе... Стоит топнуть ногой, — и ты проваливаешься в раскисшую от сырости землю». Несмотря на амбивалентность отношения Марсмана к отечеству — или благодаря ей — эти стихи о Голландии — самые щемящие во всей нидерландской литературе. Приведем полностью стихотворение «Пейзаж»:

In de weiden grazen de vreedzame dieren; de reigers zeilen over blinkende meren, de roerdompen staan bij een donkere plas; en in de uiterwaarden galoppeeren de paarden met golvende staarten over golvend gras.	На лугах пасутся мирные животные, цапли носятся как паруса над сверкающими озерами, выпи стоят у темного водоема; а по пойменным лугам носятся галопом лошади с волнистыми хвостами по волнистой траве.
---	--

После выхода в свет вышеупомянутого собрания сочинений (*Verzameld werk*) самым значительным произведением Марсмана стал опубликованный в год его смерти итоговый цикл «Храм и крест» (“Tempel en kruis”, 1940). Он написал его во Франции, где их с женой застало начало Второй мировой войны. Описываемый в третьем лице герой — поэт, alter ego Марсмана, работает за письменным столом в пустой комнате с видом на море. Его мучает множество сомнений, он проходит через те же круги зла, через которые прошел Марсман, но в итоге обретает гармонию с миром. Именно Средиземное море, где в эпоху Античности родилась и расцвела цивилизация, символом которой является античный языческий храм, в сочетании с духовностью христианства, символизируемого крестом, могут дать человеку творческое вдохновение, неподвластное ни тлению, ни насильственному уничтожению:

Wie schrijft, schrijv’ in den geest van deze zee
of schrijve niet; hier ligt het maansteenrif
dat stand houdt als deloed ons overvalt
en de cultuur gelijk Atlantis zinkt;
<...>

zoolang de europeesche wereld leeft
en, bloedend, droomt den roekeloozen droom
waarin het kruishout als een wijnstok rankt,
ruischt hiér de bron, zweeft boven déze zee
het lichten van den creatieven geest.

Кто пишет, пусть пишет в духе этого моря
или не пишет вовсе; здесь находится риф из лунного камня,
который выдержит, если нас затопит приливом
и культура уйдет на дно, как Атлантида;

пока жив европейский мир
и, кровотока, безрассудно мечтает и видит сон
в котором древесина креста прорастает как лоза,
здесь журчит источник, над этим морем
витают рассвет творческого духа.

На протяжении всей жизни Хендрик Марсман, кроме стихов, писал художественную прозу, литературоведческие эссе, а также занимался переводами.

В психологическом романе «Смерть Анджелы Дегру» (“*De dood van Angèle Degroux*”, 1933), действие которого происходит в Париже и Брюсселе, рассказывается о сложнейших отношениях между Анжелой Дегру и писателем-голландцем Шарлем де Бетанкурром, работающим на протяжении почти всего романа над книгой об античной Греции. Между героями действуют могучие силы притяжения, так как они по-настоящему любят друг друга, но и не менее мощные силы отталкивания, проистекающие из робости и сомнений Анжелы, ложной гордыни Шарля и неспособности обоих объяснить друг с другом. В итоге Анжела уезжает, чтобы освободиться от наваждения, и выходит замуж за бельгийца-юриста. Брак не приносит ей счастья. Через пять лет, когда Анжела уже смертельно больна, она просит у мужа разрешения в последний раз повидаться с Шарлем. Лишь теперь, на смертном одре, между ними происходит полноценное объяснение.

В 1936 г. выходит роман «Сегодня я, завтра ты» (“*Heden ik, morgen gij*”), написанный вместе с Симоном Вестдейком. В названии романа обыгрывается как его форма, так и содержание: это роман в письмах, которые сегодня пишет один корреспондент, завтра другой, но в то же время соответствующее латинское из-

речение “*Hodi mihi cras tibi*” отсылает к теме смерти: в монастырях эти слова писались над перечнем умерших. Двое товарищей, вместе учившихся в Дельфтском техническом институте, один из которых, Рудольф Снеллен, теперь живет со своей женой Нетти в Испании, а другой, Эверт ван Миллинген, в Нидерландах, обсуждают в своих письмах некоего Веверса, которого знали еще со студенческих лет и с которым Снеллен теперь случайно встретился в Испании. Миллинген предостерегает Снеллена: Веверс якобы обладает магическим даром привораживать женщин, а потом доводить их до самоубийства. Нетти действительно поддается чарам Веверса и уезжает с ним, бросив мужа. Впрочем, в итоге она оказывается сильнее Веверса, так что все кончается относительно благополучно. Марсман писал письма от имени Снеллена, а Вестдейк — от лица Миллингена. В своей рецензии на эту книгу Менно тер Браак сопоставляет ее с другим знаменитым романом в письмах — с «Сарой Бюргерхарт» (см. главу про Аахье Декен и Бетье Волф), также написанным двумя авторами и тоже повествующем о том, как роковой господин Р. опутывает чарами юную Сару М. Тер Браак высказывает мнение, что в данном случае в книге больший интерес представляет не развитие сюжета, а дружеское состязание между двумя писателями, которые по очереди добавляют, штрих за штрихом, и к сюжету, и к образам персонажей.

Третье крупное прозаическое произведение Марсмана, увидевшее свет в составе его собрания сочинений 1938 г., — «Автопортрет Й. Ф.» (“*Zelfportret van J.F.*”) — основано на воспоминаниях писателя о своем детстве и юности.

Перу Хендрика Марсмана принадлежит множество ярких и полемичных эссе и критических статей о поэзии в целом и о некоторых поэтах. Особенно знаменита его фраза о том, что настоящий поэт «перерабатывает зерно жизни в еневер поэзии» (“*graan des levens omstookt tot de jenever der poëzie*”). После публикации в журналах его эссе выходили также в сборниках «Урок анатомии» (“*De anatomische les*”, 1926) и «Фонарь Диогена» (“*De lamp van Diogenes*”, 1928). Чрезвычайно глубоки и оригинальны по мысли его работы о Кафке, Слауэрхофе, Гортере и Менно тер Брааке. Из переводов Марсмана, кроме уже упомянутого философского трактата Ницше, следует назвать повесть Андре Жида «Имморалист» (перевод 1935 г.).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Найдите в интернете репродукции художников-экспрессионистов, которые оказали влияние на Хендрика Марсмана в Берлине. Попробуйте сформулировать особенности их художественной тематики и техники. Возникают ли параллели с поэзией Марсмана?
2. На какие периоды подразделял сам Марсман свое творчество?
3. В каких жанрах работал Хендрик Марсман?
4. Почему он не захотел жить в Нидерландах?

Первый период

VAL

*Ich falle nach Venedig hinunter
und so weiter — bis zu den Sternen*

— Trakl

Val

lichtende rank
die heelal
na heelal
ontbrandt

steen
dier
plant
Schal

grondeloos lood
aan het snoer
diep door den schoot
van het al
slaat
aan den vloer
van den dood

Val

achter den wal
van den dood

blind door het luik
van de hal

boot
ster
dal

DE OVERTOCHT

De eenzame zwarte boot
vaart in het holst van den nacht
door een duisternis, woest en groot,
den dood, den dood tegemoet.

ik lig diep in het kreunende ruim,
koud en beangst en alleen
en ik ween om het heldere land,
dat achter den einder verdween
en ik ween om het duistere land,
dat flauw aan den einder verscheen.

die door liefde getroffen is
en door het bloed overmand
die ervoer nog het donkerste niet,
diens leven verging niet voorgoed;
want de uiterste nederlaag
lijdt het hart in den strijd met den dood.

o! de tocht naar het eeuwige land
door een duisternis somber en groot
in de nooit aflatende angst
dat de dood het einde niet is.

LEX BARBARORUM

Geef mij een mes.
ik wil deze zwarte zieke plek
uit mijn lichaam wegsnijden.

ik heb mij langzaam recht overeind gezet.

ik heb gehoord, dat ik heb gezegd
in een huiverend, donker beven:
ik erken maar één wet:
léven.

allen, die wegwijnen aan een verdriet,
verraden het en dat wil ik niet

'PARADISE REGAINED'

De zon en de zee springen bliksemend open:
waaiers van vuur en zij;
langs blauwe bergen van den morgen
scheert de wind als een antilope
voorbij.

zwervende tusschen fonteinen van licht
en langs de stralende pleinen van 't water,
voer ik een blonde vrouw aan mijn zij,
die zorgeloos zingt langs het eeuwige water

een held're, verruk'lijk-meesleepende wijs:
'het schip van den wind ligt gereed voor de reis,
de zon en de maan zijn sneeuw witte rozen,
de morgen en nacht twee blauwe matrozen —
wij gaan terug naar 't Paradijs'

Второй период

DE HAND VAN DEN DICHTER

Glazen grijpen en leegen;
veel jagen en reizen;
vrouwen omhelzen en streelen;
strijden op felle paarden
en blinkende wateren splijten;
spelen met licht en donker;
den dag en den nacht doorrijden
onder fluweel en schaduw en
flonkrende sterrebeelden.

het staat niet in mijn hand gegrift;
en een hand is een leven, een lot;
ik lees slechts in fijn scherp schrift
— en dit geldt voor vroeger en later —
weinig liefde en wijn, veel water,
soms een racket, een zweep, maar
stellig nimmer een zwaard.

zoo is mij enkel bewaard
langzaam maar vast te verwijven
in nijver monnikenwerk:
bidden en verzen schrijven
geel op geel perkament,
en mijn hand alleen te verstrengelen
met mijn eigen andere hand
en in een cel te versterven
oud op een houten bank.

(1929–1933)

ЛАДОНЬ ПОЭТА

Ладья судьбы, моя ладонь!
Лист ясных линий открываю
И, тайным знанием наделен,
Бесстрастно о себе читаю:

«...Гнать по дубравам, в рог трубя,
Глотать огонь из пенных чарок
И, женщин огненных любя,
Встречать рассвет в походах ярых,
И, как нахлынет новый день,
Втравливать в игру то свет, то тень,
А брызнет ночь узором чистым,
Мечтать под небом бархатистым —

Все то тебе не суждено.
Вино разбавится водою.
Любовь не постучит в окно.
Меч также не учтен судьбою.
Но, как глухонемой монах,
Исчахнешь в тщетных ты трудах,
Истаешь, как свеча в каморке,
И день и ночь моля послать
Луч вдохновенья, чтоб опять
Разжечь пожар во грезах горьких...

Вообще кратка твоя верста:
Вот так же, ночью, в гулком доме,
Умрешь. Без друга, без креста.
Лишь верные сложив ладони».

(Переложение М. Палей)

ZINKEND SCHIP

De avond daalt;
een zinkend schip.
de kiel slaat op
een blinde klip.

— o, hartstocht
van dit stil vergaan,
in koele nacht,
in koele maan.

'en gij, die eens
dit leven prees
met sterke stem
en harde keel,

is dan het glanzende
van uw woord
bestorven en
voorgoed teloor?

— ik heb geleerd
dat in den dood
de ziel zal stijgen
levensgroot

of dalen
in het schimmenrijk
en falen
onherroepelijk

en dat al wat
der wereld is
een waan is,
een bekommernis

na deze woorden
wordt het stil,
alsof de nacht
omvamen wil

een zinkend schip,
een koele maan —
twee stemmen, stijgend uit de klip:
— o, red ons, wij vergaan!

HERINNERING
AAN HOLLAND

Denkend aan Holland
zie ik breede rivieren
traag door oneindig
laagland gaan,
rijen ondenkbaar
ijle populieren
als hooge pluimen
aan den einder staan;
en in de geweldige
ruimte verzonken
de boerderijen
verspreid door het land,
boomgroepen, dorpen,
geknotte torens,
kerken en olmen
in een grootsch verband.
de lucht hangt er laag
en de zon wordt er langzaam
in grijze veelkleurige
dampen gesmoord,
en in alle gewesten
wordt de stem van het water
met zijn eeuwige rampen
gevreesd en gehoord.

ВОСПОМИНАНИЕ
О ГОЛЛАНДИИ

Голландию вспоминая,
на беспредельных равнинах
вижу свободные реки,
на горизонте вдали
редкие тополя
в полях пустынных
машут плюмажами
у края бескрайней земли,
утонули усадьбы
в могущественных просторах,
колокольни, рощи, деревни
разбрелись по травам,
рассеялись,
отразившись в озерах,
церкви и вязы
в союзе величавом,
низко висят небеса,
в тумане млечном
медленно гаснет солнце
и первый блеск звезды,
здесь в любой стороне
слушают и боятся
с горем его извечным
извечный голос воды.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Внимательно прочитайте и переведите стихи. По какому принципу поэт разделил свое творчество на три периода (не считая цикла «Храм и крест»)? Проиллюстрируйте различия между периодами, приведя цитаты из стихов.
2. Сравните оригиналы с переводами и выявите различия.
3. Какое стихотворение из приведенных вам больше понравилось?
4. Что вы можете сказать о звуковой стороне стихов Марсмана?

ГЛАВА 3

ЯН СЛАУЭРХОФ
JAN SLAUERHOFF
(1898–1936)

Ян Якоб Слауэрхоф — один из важнейших поэтов и прозаиков в нидерландской литературе. Если среди нидерландских поэтов есть настоящий романтик, то это Слауэрхоф: всегда беспокойный, всегда неприкаянный, в вечных странствиях на пути к недостижимому; если же, вопреки всему, он

находит то, что искал, то снова отказывается от найденного: чтобы знать, к чему стремиться. «Мировая скорбь» Слауэрхофа — не поза, именно в ней заключена сила и неповторимость его произведений: жизнь и творчество поэта едины. Его скитания — это не только скитания души, но и реальные странствия по миру: работая судовым врачом, он повидал полсвета, и дальние плавания стали источником его вдохновения. Он чувствовал себя чужим в буржуазном обществе, его волновали социальные проблемы; он отождествлял себя с бедняками, изгоями и людьми вне закона. Слауэрхоф отнюдь не сладенький романтик, в его романтизме таится нечто демоническое, завораживающе-грубое, обнаженное, отталкивающее.

Ян Слауэрхоф в кимоно

отнюдь не сладенький романтик, в его романтизме таится нечто демоническое, завораживающе-грубое, обнаженное, отталкивающее.

¹ Перевод студентов нидерландского отделения СПбГУ.